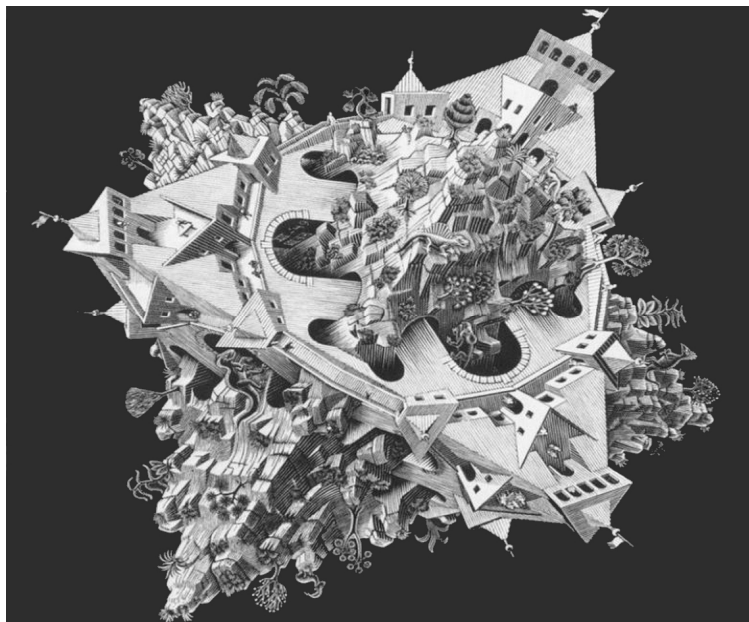

ПРОСТРАНСТВО ПРОСТРАНСТВ

Двойная планета. Художник Мауриц Корнелис Эшер. 1949.

УДК 130.1/.2:008

Сараф М.Я.

Ризомизация культурного пространства как показатель кризисности его состояния

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств
E-mail: ssaraf@yandex.ru

Автор рассматривает культурное пространство как конкретноисторическую целостность, имеющую сложную и динамичную структурную пространственно-временную организацию. Структура культурного пространства во многом определяется механизмами его центрации и поляризации. Кризисное состояние культурного пространства обнаруживает себя нарушением структурнофункциональных связей между этими механизмами, что приводит к утрате его целостности и проявляется в его нарастающей ризомизацией.

Ключевые слова: культурное пространство, анизотропность культурного пространства, гетерохронность культурного пространства, плотность и связность культурного пространства, центрация, поляризация, ризомность.

Культурное пространство обладает сложной структурой, приобретающей эту сложность в процессе исторического развития этносов и наций и в процессе все более и более дифференцирующихся форм общественной жизни.

Сложность структуры культурного пространства выражается неоднородностью составляющих ее элементов и противоречивостью протекающих в нем процессов. Наиболее наглядно это выражается такими характеристиками, как анизотропность и гетерохронность. Взятые из физического понимания пространства, эти понятия вполне применимы и для описания пространства культурного.

Анизотропность культурного пространства означает неодинаковость характеристик составляющих его частей, их неравномерное распределение, различную степень связности каждой из частей, а

также различный характер взаимодействий между ними.

Гетерохронность культурного пространства означает разновременность процессов, ведущих к его образованию, а также разновременность процессов, протекающих во входящих в него пространствах культуры. Это проявляется в противоречиях взаимодействующих элементов его структуры, разветвляющихся в двух уровнях – внутри пространств национальной культуры и в их отношении к общемировому пространству культуры.

Культурное пространство образуется и уплотняется вокруг центров. Такой центр в традиционных культурах понимался как некое сакральное, священное место, обладающее особыми свойствами. Оно характеризуется разрывом однородности пространственного обитания, это как бы отверстие, где человеческий мир может приходиться в небезопасное соприкосновение с миром иным. Но, вместе с тем, – это центр мира, обиталище святости и правды, где актуализируются важнейшие смыслы. Позиции и интересы находящихся в этом центре наиболее защищены и, следовательно, он выступает наивысшей ценностью. Движение к овладению центром – один из важнейших механизмов культуры. Периферия же определяется тем, что она осваивает содержание, идущее от центра. Центрация и поляризация – это факторы самоорганизации культурного пространства, и их соотношение выступает как общий закон его функционирования и развития.

В современной цивилизации значение центров, конечно, не исчезло, но в качестве доминирующей культурной формы, которая бы выражала центрацию именно как социальный институт, значительно снизилось. Это как раз связано с выходом на историческую арену наций, которые существенно изменили институциональные характеристики центров культурного пространства, но при этом культуuroобразующие механизмы взаимодействия центр – периферия продолжают действовать.

Содержание деятельности таких центров формирует важнейший фактор культурного пространства – так называемую высокую культуру. Под высокой культурой понимается система воспроизводства форм общественного сознания, пользующаяся языком официальных общественных институтов (государства, религии, школы), а также формирующаяся институциональная система духовного производства (науки, искусства). Высокая культура в определенной мере противостоит культуре бытовой, этнонациональной, народной. Со времен Просвещения считалось, что именно высокая культура есть подлинная культура, выполняющая авангардную роль и обеспечивающая в исторической перспективе достижение гуманистических идеалов.

Кризисное развитие цивилизаций в XX веке показало, что указанное противоречие проявляет себя в разных условиях, в разных формах и с разной степенью остроты, но можно отметить довольно устойчивую общую тенденцию «микширования» высокой и бытовой культуры с явно разрушительными последствиями для первой.

На уровне непосредственной жизнедеятельности людей это выражается в этической, эстетической и, следовательно, в интеллектуальной сниженности коммуникативной сферы. На уровне специализированной культурной деятельности это выражается или в обретении ею характера элитарности, или в превращении ее в отрасль индустрии потребления. Это обстоятельство представляет особую и значительную опасность, поскольку превращает культурное пространство в пространство рынка. Но есть еще одна опасность для целостности культурного пространства, нарастающая в условиях общества массового рыночного производства и массового потребления.

Немецкий культуролог Г. Люббе указал на одну важную особенность гетерохронности социокультурного состояния современного общества, которую он назвал «сокращение настоящего». Это понятие у него выражает особенность такого периода в динамике социокультурного процесса, когда с возрастанием количества инноваций в единицу времени, уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело, в котором мы уже не можем распознать привычной структуры сегодняшнего жизненного мира, и которое поэтому представляется нам чуждым и даже непонятным¹.

Имеющиеся теории культуры как-то мало внимания обратили на этот, представляющийся мне очень важным, аспект динамики современной культуры, в которой инновационность выступает доминантной ценностью. Так, давно попавший в поле исследовательского интереса феномен эйджизма (противоречия поколений, демовозрастных противоречий) в значительной мере может быть объяснен как раз тем, что культурный опыт старших, в силу информационной доступности, частоты и интенсивности инноваций становится уже непонятным и даже чуждым их младшим современникам. Тот совокупный социокультурный жизненный опыт, который всегда имел значение высшей ценности, назывался мудростью и нес в себе гарантии выживания потомков, практически утратил это свое качество. Старость перестает быть мудрой и оказывается мало способной чему-то наставить, поскольку ее время и время, непосредственно за ним следующее, организуются едва ли не противоположными принципами. Процессы усвоения социокультурного опыта не только затрудняются, они рвутся. Функции механизма центрации, столь важного для сохранения целостности культурного пространства при этом весьма ослабляются.

Эффект сокращения настоящего позволяет понять не только механизмы разрыва и распада культурной идентификации, но и объяснить интенциональные причины постоянно возникающего тяготения к воссозданию целостности жизненного пространства культуры. Ведь в условиях интенсивной инновационности, а зачастую и псевдоинновационности, в жизни современного общества многие новации устаревают прежде, чем успевают стать частью культурного опыта сколько-нибудь значительного социального контингента. Множество фактов культуры, будучи вполне современными, по сути, уже остаются за пределами современности и, следовательно, утрачивают статус культурного факта.

Возникает крайне неоднородное, глубоко противоречивое состояние культуры. Но это, по преимуществу, механическая противоречивость, из которой могут следовать лишь механические комбинации, где главной

¹ Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.

определяющей является случайность связей и субъективная произвольность выбора. Такое состояние можно назвать, если не хаотичным, то, во всяком случае, фрагментарным. Поэтому доминирующим стилевым направлением становится откровенный и даже воинствующий эклектизм. А поскольку в самом себе он не находит прочных оснований, то, естественно, обращается к их поиску в прошлом культурном опыте, с которым производится та же самая операция – произвольное выделение подходящих элементов и столь же произвольная их интерпретация для включения в современность.

Г. Люббе рассматривает не только изменение отношения к прошлому, возникающее под воздействием эффекта сокращения настоящего, но и те последствия, которые он оказывает на будущее. Эти последствия он видит в возникновении пределов планируемости будущего, которое стало значительным элементом современной культуры. Согласно его концепции вместе с уплотнением инновационных процессов нарастает степень неясности условий, на которые следует ориентироваться. Неясность становится тем большей, что, во-первых, когнитивные инновации принципиально непредсказуемы, а, во-вторых, произвольность выбора и оценок инновационных фактов и основанная на этом деятельность бесконечно вариативны. Поэтому все более сложными и все менее надежными становятся предвидение и планирование, если понимать их как способы синхронизации предстоящих действий участвующих субъектов для достижения общей цели, для выполнения какой-либо социокультурной программы,

Концепт «сокращение настоящего» позволяет выявить в развертывании противоречий современного социокультурного процесса и важный аспект топологического плана – ризомизацию культурного пространства.

В биологической классификации ризостома – это название отряда корнерач, медуз, из-под купола которых выходит пучок сросших и впоследствии разделенных шупалец. Коннотативно термин можно использовать для обозначения образования, подобного кустистому корневищу.

В гуманитарное знание понятие ризомы ввели Ж. Делез и Ф. Гваттари в работе «Ризома. Введение» (1976) для характеристики современной постмодернистской эстетики. Оно, в противоположность традиционному классическому представлению о древообразной разветвленности процессов, выражает воплощение нового типа эстетических связей – нелинейных, бесструктурных, антииерархичных, запутанных¹.

Этот образ, на мой взгляд, весьма подходит для понимания и описания сложностей и противоречий современной культуры. Во-первых, он показывает разнонаправленность ее процессов, стремящихся сформироваться как бы в отдельные самостоятельные образования. Во-вторых, он показывает тенденцию все большего ослабления системных связей между ответвлениями. Такой процесс я и называю ризомизацией культуры. То есть ризомность как образ культурного процесса выражает, что культурное пространство, сохраняя относительную плотность, становится все менее связным, ослабляет свою структурность, а значит и воспроизводственную функциональность. Здесь гипертрофируется функция механизма поляризации.

Европейская культура, возникшая и сформировавшаяся на основе греко-римской античности при всем своем многообразии и противоречиях имела, тем не менее, довольно ясно различимую общую направленность к образу потребного будущего, составляющими которого были успешность, рациональность, гуманизм. Движение в этом направлении и стало определять содержание понятия прогресса. На этой основе сложился довольно устойчивый ментальный стереотип об общей цели и общей судьбе всего человечества. В одних случаях он имел религиозно-консервативное содержание, в других либералистское – от умеренных до самых крайних левых форм выражения.

Однако социально-культурные процессы начиная примерно с 70-х–90-х годов прошлого столетия стали обнаруживать все более явственную тенденцию к плюрализации, а самое существенное – к отделению и к отчуждению своих ответвлений друг от друга и даже к негативному их противопоставлению.

Одним из наиболее показательных примеров нарастания характеристик ризомности (или ризомообразности) культуры является, на мой взгляд, неуспех так называемой мультикультурности, которая несколько десятилетий назад представлялась как оптимальный социальный проект. Это, однако, вовсе не означает того, что культурно-региональные, культурно-этнические или культурно-конфессиональные автономии должны вызывать осторожные или негативные оценки. Все дело в том, насколько они интегрированы в национальное культурное пространство, насколько существенна их роль в обеспечении его целостности.

Ризомность всегда присутствовала в системах культуры, но чаще всего имела сопутствующий и маргинальный характер и чаще всего выражалась формами эскапизма. Особенность динамики современной культуры состоит в том, что отклонение утверждает свою равновеликость всем другим составным частям культуры и даже преимущественность перед ними. Это явление хорошо представлено и описано в постмодернизме, утверждающим равнозначность целого и части, смысла и его отсутствия, что сопряжено с утратой представлений об историчности культурного процесса, об объективных законах социального развития.

Главный же порок ризомизации культурного пространства состоит в том, что основная функция культуры – воспроизводство человека и целостной системы социальных отношений фрагментируется как собственная задача каждого из ответвлений и направлена на подавление (в лучшем случае сосуществование) других. Я бы даже предложил модель пузырчатой ризомности, в которой плюрализация культурных процессов подобна возникновению соприкасающихся пузырей. Пространство каждого из них определяется собственным внутренним давлением и сопротивлением сопредельных.

Определенный парадокс состоит в том, что сгущение настоящего и ризомизация значительно уплотняют культурное пространство, но одновременно ослабляют его связность, культуротворческую коммуникативность. Если прав М.М. Бахтин, заметивший, что вся культура сосредоточена на границах², нетрудно видеть, как в условиях усиления ризомности нарастает общая напряженность культурного пространства.

¹ Deleuze G., Guattari F. "Introduction: Rhizome." *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987, pp. 3–28; Лексикон нонклассики. Художественная культура XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 387.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979.

Характеристика «плотность культурного пространства» в моем понимании выражает соотношение культурных центров и культурной периферии. «Связность», или распределенность, культурного пространства можно представить соотношением социального объема нации и степенью развитости систем коммуникаций на занимаемой ею территории¹. Высокая степень связности будет выражаться однотипностью и синхронностью культурных процессов и более или менее равномерным распространением и усвоением сопряженных с ними культурных инноваций.

Обычно между плотностью и связностью культурного пространства существует прямая пропорциональная зависимость. Чем больше на национальной территории образуется центров культурных инноваций и культурного притяжения, чем более развиты между ними коммуникационные сети; чем более востребованным и доступным оказывается продукт культурного творчества, тем выше плотность культурного пространства. Нарастание же ризомности делает эту пропорциональную зависимость обратной.

Ризомизация – это симптом распада социального субстрата, кризиса общенационального интереса, разрушения системы национальной идентификации, понижение таких показателей культурного пространства как его связность и коммуникативность. До определенных пределов она не представляет особой опасности для системы культуры, но вопрос в том каковы эти пределы и какова интенсивность этого процесса. Ну, разумеется, есть вопросы об интересах и силах, движущих данный процесс, однако это несколько другая и специальная область исследований. Правда, только ответив на такие вопросы, можно говорить о соотношении свободы и культуры с исторической конкретностью: свобода для кого? свобода от чего? свобода для чего? свобода какими способами и в каких формах? Ответы определяют и разработку соответствующих социокультурных технологий.

Вся трудность состоит в том, чтобы найти, выявить, определить ту социальную общность, интересы и движение которой на данном этапе совпадают с объективными закономерностями культурноисторического процесса и вследствие этого делают ее подлинным субъектом культуры.

Итак, сгущение настоящего и ризомизация – два фактора, выражающие наиболее острые и глубокие противоречия современного культурного процесса. В условиях неопределенности, неразличимости, и даже отсутствия в общественном сознании положительного потребного образа будущего и выдвигания авангардного (или, может быть, пассионарного) субъекта исторического процесса – ризомность есть выражение стихийности. Такой образ всегда вырабатывали философия и искусство. В настоящее время они эту функцию не выполняют, в чем и состоит сущность их кризисного состояния.

Описанные схемы, разумеется, не более чем схемы, и они характерны, главным образом, для евроамериканских культурных процессов, хотя тоже не во всем их объеме. Но развертывающаяся глобализация все более и более внедряет подобные схемы и в традиционные региональные и локальные культуры, которые не всегда способны выстоять перед этим напором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979.
2. Лексикон неонклассики. Художественная культура XX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
3. Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
4. Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // Пространство и Время. 2013. № 1(11). С. 58–68.
5. Deleuze G., Guattari F. "Introduction: Rhizome." *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987, pp. 3–28.
6. Gough N. "Shaking the Tree, Making a Rhizome: Towards a Nomadic Geophilosophy of Science Education." *Educational Philosophy and Theory* 38.5 (2006): 625–645.
7. Kymlicka W. "The Rise and Fall of Multiculturalism? New Debates on Inclusion and Accommodation in Diverse Societies." *International Social Science Journal* 61.199 (2010): 97–112.
8. Leccardi C. "New Biographies in the 'Risk Society'? About Future and Planning." *Twenty-first Century Society* 3.2 (2008): 119–129.
9. Lentin A., Titley G. "The Crisis of 'Multiculturalism' in Europe: Mediated Minarets, Intolerable Subjects." *European Journal of Cultural Studies* 15.2 (2012): 123–138.
10. Moulthrop S. "Rhizome and Resistance: Hypertext and the Dreams of a New Culture." *Hyper/Text/Theory*. Ed. G.P. Landow. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1995, pp. 299–320.
11. O'Sullivan S. "Cultural Studies as Rhizome-Rhizomes in Cultural Studies." *Critical Studies* 20.1 (2002): 81–93.
12. Pieterse J.N. *Globalization and Culture: Global Mélange*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сараф, М. Я. Ризомизация культурного пространства как показатель кризисности его состояния // Пространство и Время. — 2014. — № 1(15). — С. 74—77. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st1-15.2014.31.

¹ См. об этом: Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // Пространство и Время. 2013. № 1(11). С. 58–68.